

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»
Санкт-Петербург

CHARLES DE COSTER

LA LÉGENDE
ET LES AVENTURES
HEROÏQUES, JOYEUSES ET GLORIEUSES
D'ULENSPIEGEL
ET DE
LAMME GOEDZAK
AU PAYS DE FLANDRES
ET AILLEURS

ШАРЛЬ ДЕ КОСТЕР

ЛЕГЕНДА
ОБ УЛЕНШПИГЕЛЕ
И ЛАММЕ ГУДЗАКЕ,
ИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
ОТВАЖНЫХ, ЗАБАВНЫХ
И ДОСТОСЛАВНЫХ
ВО ФЛАНДРИИ
И ИНЫХ
СТРАНАХ

*Перевод с французского
А. Торнфельда*

ИЛЛЮСТРАЦИИ
П. А. БУНИНА

БЕССМЕРТНЫЙ ТИЛЬ

Старинная Фландрия. Родина Тия Уленшпигеля. Веселая и богатая страна. Страна румяных и шутливых людей, тучных пастбищ, маленьких городов, дремлющих под треньканье надтреснутых колоколов, и других городов — многолюдных, огромных.

Эти города сотни лет копили богатства. Они были обширными кладовыми Европы. «Смотри, — сказал Уленшпигель Ламме, когда они подошли к Антверпену, — вот громадный город, который вселенная сделала средоточием своих сокровищ. Здесь золото, серебро, пряности, золоченая кожа, гобелены, ковры, занавеси, бархат, шерсть и шелк; здесь бобы, горох, зерно, мясо, мука, кожи; здесь вина отовсюду».

Расцвет Фландрии начался еще в Средние века. Неуклюжие корабли всех стран со своими разноцветными парусами отражались в воде фландрских гаваней и веселили человеческий глаз. Из погребов сочился сладковатый запах. В погребах был заперт вместе с товарами воздух тропических островов, далекой и таинственной Явы. Высушенные летучие рыбы висели на стенах около распятий в низких комнатах, освещенных огнем каминов. Люди Фландрии трудились, как пчелы, собирая мед и жатву, строя корабли, прорывая каналы, вспахивая поля, закидывая в реки и морские заливы рыбацьи сети, вертя жужжащие веретена с куделью. Такой мы представляли себе старинную Фландрию.

Но такой она казалась только при поверхностном знакомстве. Углубляясь в историю этой страны, мы узнавали о народных вольностях, о жестоких войнах с Испанией за независимость, о казнях, кострах, осадах, гуле Боргсторма — набатного колокола, о черных тучах пожара, застилавших зеленые польдеры, — обо всем, что рассказал Шарль Де Костер в своей замечательной книге.

Шарль Де Костер, скромный ученый и литератор девятнадцатого века, светловолосый высокий фландец, собрал легенды о народном герое

Фландрии — Тиле Уленшпигеле, соединил их разрозненные части и создал эту бессмертную книгу.

Жизнь Шарля Де Костера, этого мягкого и молчаливого человека, была полна лишений, горя и труда.

Костер был служащим Бельгийского государственного архива. Через его руки прошло множество древних рукописей. Нужны были величайший талант и юношеская свежесть воображения, чтобы за полустертыми строчками манускриптов, за громоздкими фразами средневековых документов с их зачастую темным и запутанным содержанием увидеть во всем могучем размахе великое народное движение, возникшее в старой Фландрии, — восстание гёзов (в переводе — «рвани») против испанцев, чтобы воссоздать немеркнущий образ весельчака и мстителя Тиле Уленшпигеля и всю резкую по краскам и точную по рисунку героическую эпоху из истории своей страны.

«Тиле Уленшпигель» при жизни Шарля Де Костера не пользовался успехом. Социальное его содержание, гнев, ненависть к сильным мира сего — все это отпугивало от книги Костера современных ему боязливых критиков. В то время в Бельгии уже зарождалось так называемое внесоциальное и расплывчатое литературное течение символистов, во главе которого стал Морис Метерлинк — мистический поэт с туманными глазами и туманными мыслями.

А Костер был резок, груб, неспокоен. Он говорил о прошлом Фландрии, но в голосе его звучало негодование против несправедливостей своего времени. Костер был не ко двору в благопристойной Бельгии конца XIX века. Поэтому и слава пришла к нему после смерти.

Где и когда родился в недрах Фландрии образ бродяги и народного героя Тиле Уленшпигеля, сказать трудно. Это древний образ, переходивший из века в век, близкий романским народам. Средневековые устные рассказы — фаблио — сохранили нам воспоминания о якобы беззаботных плутах, носивших в сердце бесстрашие и любовь к своему народу.

У Тиле Уленшпигеля много предков, но создатель Уленшпигеля — один. Это народ Фландрии. Шарль Де Костер — только представитель этого народа, талантливый, терпеливый и скромный писатель, закрепивший легенду на бумаге.

Как обычно, все герои легенды об Уленшпигеле олицетворяют те или иные свойства народа.

Тиле — это вольнолюбивый, стойкий и лукавый дух Фландрии. Его верная спутница Неле — это любовь. Ламме Гудзак — это «брюхо», плоть Фландрии, законченное выражение необыкновенной фламандской полнокровности и жизнерадостности.

Этот простак окружен в легенде звоном бутылок, шипеньем мяса на вертеле, треском разрываемых руками кровяных колбас. Он весь лоснится от благодушия, лени и жира, слизанного с тарелок, откуда с невероятной быстротой исчезают у него в желудке ароматные жареные дрозды. С редкой выразительной силой описывает Костер заезжие дворы и таверны с их грудами хрустящих пирожков, сала, белого хлеба, гентских сосисок, лувен-

ского сыра, жареной рыбы, жирной ветчины, с песнями, драками и болтовней посетителей, в чьи глотки крепкое пиво низвергается точно водопад, несущийся с горной вершины.

Но вокруг харчевен вьются ласточки в синем небе, дуют теплые ветры, качаются цветущие кусты, колосится пшеница и живет другая Фландрия — ласковая, улыбающаяся и нежная, как девушка Неле.

Шарля Де Костера привлекла полная трагических событий и героизма нидерландская революция XVI века, восстание страны против испанцев, народное движение «великой рвани» — гэзов.

Веселый Тиль, бродяга и затейник, беспечно слоняющийся по дорогам Нидерландов с песнями, плутнями и шутками, становится упорным борцом за лучшую участь своего народа, беспощадным мстителем за его поруганную свободу.

Бродяжничество Уленшпигеля приобретает иной характер: «Благословенны скитания ради освобождения родины». Теперь Тиль бродит по стране как разведчик, как неуловимый собиратель народных сил. Всюду, у каждого порога, где живут угнетенные, на его условный крик жаворонка люди, готовые к восстанию, отвечают криком петуха.

Так он проходит по всей стране, и люди поднимаются вслед за ним. Набатные колокола гудят над кровлями деревень и городов, сзывая на борьбу с инквизицией.

Великолепны страницы в книге Шарля Де Костера, посвященные портретам угнетателей Фландрии — зловещих испанских королей Карла Пятого и Филиппа Второго. Не многие книги в мировой литературе проникнуты такой яростной и уничтожающей силой ненависти. Особенно беспощаден Костер в тех местах, где он пишет о жестоком выродке — короле Филиппе Втором:

«В этот день король Филипп объелся пирожным и потому был еще более мрачен, чем обыкновенно. Он играл на своем живом клавесине — ящике, где были заперты кошки, головы которых торчали из круглых дыр над клавишами. Когда король ударял по клавише, она в свою очередь ударяла иглой по кошке, а животное мяукало и визжало от боли.

Но Филипп не смеялся».

Отрекшийся от престола Карл Пятый учит своего сына Филиппа основам вероломного управления народами. «Надо лизать, — говорит он, — пока не пришло время укусить».

Отец Тиль Уленшпигеля Клаас погибает на костре инквизиции. Тиль зашивает в мешочек пепел его сердца, всю жизнь носит его у себя на груди, и этот пепел Клааса становится символом неутолимой народной мести. Как грозный припев проходят через всю легенду слова Тиль: «Пепел Клааса стучит в мое сердце!»

«Пепел Клааса стучит в мое сердце, — говорит Тиль. — Смерть властвует над Фландрией и во имя папы косит сильнейших мужчин и прекраснейших девушек. Права Фландрии попораны, ее вольности отобраны, голод грызет ее... Если ей не придут на помощь, она погибнет».

Народный гений в легенде об Уленшпигеле сплавил воедино, как это бывает и в жизни, смех и страдание, шутку и угрозу, любовь и ненависть. Голос народа звучит со страниц книги Шарля Де Костера. Сила простых ее слов, скупого, лишённого всяких украшений рассказа неотразима. Только благодаря могучей силе народного языка, меткого и точного, стало возможно в одной и той же легенде дать мрачные картины сожжений и пыток, как бы написанные запекшейся человеческой кровью, и тут же рядом наполнить целые страницы запахом цветущих лугов, пением птиц, шумом летних дождей, любовью, плясками, бьющей через край жизнерадостностью.

Легенда об Уленшпигеле — выражение сущности народа. Народ бессмертен. Поэтому бессмертен и Уленшпигель. Он может уснуть, но никогда не может умереть.

Легенду об Уленшпигеле можно назвать вещей книгой — в хорошем значении этого слова. Она предвещает победу человеческого разума и справедливости и неизбежную гибель всего, что является на земле носителем тьмы, жестокости, корысти и насилия. Она предвещает дни народных побед, ликований, осмысленного и радостного труда.

К. Паустовский

ПРЕДИСЛОВИЕ СОВЫ

Господа художники, государи мои господа издатели, господин поэт, я должна сделать вам несколько замечаний касательно вашего первого издания. Как! В этой книжной громадине, в этом слоне, коего вы, в количестве восемнадцати человек, пытались толкнуть на путь славы*, вы не нашли самого крохотного местечка для птицы Минервы, мудрой совы, совы благоразумной? В Германии и в этой столь любимой вами Фландрии я непрестанно путешествую на плече Уленшпигеля, который так прозван потому, что имя его обозначает *Сова и Зеркало, Мудрость и Комедия, Uyl en spiegel*. Жители Дамме, где, говорят, он родился, по закону стяжения гласных и по привычке произносить «Уу» как «U» произносят «Уленшпигель». Это их дело.

Вы же сочинили другое объяснение: «Ulen (вместо Ulieden) spiegel» — ваше зеркало, ваше, господа крестьяне и дворяне, управляемые и правящие: зеркало глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи. Это было остроумно, но неблагоприятно. Никогда не надо порывать с традицией.

Быть может, вы нашли причудливой мысль воплотить Мудрость в образе птицы мрачной и нелепой — на ваш взгляд, педанта в очках, балаганного лицедея, любителя потемок, беззвучно налетающего и убивающего раньше, чем слух уловит его появление: точно сама смерть. И однако, притворно-простодушные насмешники, вы похожи на меня. Разве и среди ваших ночей нет таких, когда рекой лилась кровь под ударами убийства, подкравшегося на войлочных подошвах, чтобы не было слышно его приближения? И разве ваша собственная история не помнит бледных рассветов, тусклым лучом озарявших мостовые, усеянные трупами мужчин, женщин, детей? Чем живет ваша политика с тех пор, как вы царите над миром? Кровапролитиями и избиениями.

* Первое издание книги об Уленшпигеле (1867 г.) иллюстрировали восемнадцать художников.

Я, сова, скверная птица, убиваю для того, чтобы жить, чтобы кормить моих птенцов, а не для того только, чтобы убивать. Если вы попрекаете меня тем, что мне случилось сожрать птичий выводок, то не могу ли я прекратить вас избиением всего, что дышит на этом свете? Вы наполнили целые книги трогательными рассказами о стремительном полете птицы, о ее любовной жизни, о ее красоте, об искусстве вить гнездо, о страхе самки за детенышей — и тут же пишете, под каким соусом надо подавать птицу и в каком месяце она жирнее и вкуснее. Я не пишу книг, помилуй бог, не то я бы написала, что когда вам не удастся съесть птицу, то вы съедаете гнездо, лишь бы зубы не оставались без дела.

Что касается тебя, легкомысленный поэт, то ведь тебе выгоднее было указать на мое участие в твоём творении, из коего по малой мере двадцать глав принадлежат мне, — прочие оставляю в полную твою собственность. Это ещё наименьшее зло — быть неограниченным владыкой всех глупостей, которые печатаешь. Поэт, ты без разбора обличаешь тех, кого называют палачами родины, ты пригвождаешь Карла V и Филиппа II к позорному столбу истории — ты не таков, как сова, ты неблагоприятен. Уверен ли ты, что в этом мире уже нет ни Карлов Пятых, ни Филиппов Вторых? Не боишься ли ты, что внимательная цензура найдет в чреве твоего слона намек на знаменитых современников? Зачем ты тревожишь в могиле мирный сон этого императора и этого короля? Зачем ты лаешь на таких особ? Кто ищет ударов, от ударов погибнет. Есть люди, которые тебя не простят ни за что, да я тебя не прощаю, ты нарушаешь мое благополучное мещанское пищеварение.

Что это за упорное противопоставление ненавистного короля, с детства жестокого — на то ведь он и человек, — фламандскому народу, который ты хочешь изобразить нам таким героическим, жизнерадостным, честным и трудолюбивым? Кто сказал тебе, что этот народ был хорош, а король плох? Я могла бы самыми разумными доводами доказать тебе противное. Твои главные действующие лица без исключения дураки или сумасшедшие: твой сорванец Уленшпигель берется за оружие, чтобы бороться за свободу совести; его отец Клаас умирает на костре ради утверждения своих религиозных убеждений; его мать Сооткин терзает себя и умирает после пытки, потому что хотела сохранить счастье для своего сына; твой Ламме Гудзак идет в жизни прямым путем, как будто на этом свете достаточно быть добрым и честным; твоя маленькая Неле всю жизнь — что не так плохо — любит одного человека... Где видано нечто подобное? Я пожалела бы тебя, если бы ты не был смешон.

Однако я должна признать, что рядом с этими нелепыми личностями у тебя можно найти несколько фигур, которые мне по душе. Таковы твои испанские солдаты, твои монахи, сжигающие бедный люд, твоя Жиллина, шпионка инквизиции, твой скаредный рыбак, доносчик и оборотень, твой дворянчик, прикидывающийся по ночам дьяволом, чтобы соблазнить какую-нибудь дуру, и особенно этот «умница» Филипп II, который, нуждаясь в деньгах, подстроил разгром святых икон в церквах, чтобы затем пока-